

УДК 94(47).083(470.6)

Е. В. Шандулин

**К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ «КАВКАЗСКОГО ВОПРОСА» В РОССИИ
(ПО МАТЕРИАЛАМ I-III ГОСУДАРСТВЕННЫХ ДУМ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ)**

Статья посвящена формированию «кавказского вопроса» в России в начале XX века. Рассматривается круг проблем, связанных с выступлениями депутатов первых трех государственных Дум от Кавказа, а так же продвижение кавказской

тематики в рамках работы российского парламента.

Ключевые слова: кавказский вопрос, кавказский запрос, государственная Дума Российской империи.

E. V. Shandulin

**TO THE QUESTION OF THE FORMATION OF THE «CAUCASIAN ISSUE» IN RUSSIA
(ON MATERIALS OF THE I – III STATE DUMAS OF THE RUSSIAN EMPIRE).**

The article is devoted to the formation of the «Caucasian issue» in Russia in the early twentieth century. The author discusses a range of issues related to the speeches of the deputies of the first three state Dumas who represented the Cauca-

sus, as well as the promotion of Caucasian subjects in the framework of the Russian Parliament.

Key words: the Caucasian issue, the Caucasian request, the state Duma of the Russian Empire.

Широко используемые в современной науке и публицистике понятие «кавказский вопрос» в настоящее время является, отчасти, синонимом легендарного неразрешимого «гордиева узла» и традиционно выступает трудной для масштабного осмысления темой. Большое количество наслоившихся социальных проблем подталкивает к пониманию этого понятия как сложной системы разнообразных вопросов, смысл которых достаточно широк и разнообразен. Однако системное видение требует определения хронологических рамок формирования данного понятия и условий его кристаллизации в российском общественном и политическом пространстве.

Историческим «коконом», давшим жизнь многим российским системным вопросам стал период начала XX века. Именно первая российская революция вызвала к жизни целый ряд тяжелых проблем: «национальный вопрос», «рабочий вопрос», «окраинный вопрос» и т.д., ставших расхожими понятиями в публицистике того времени и вошедших впоследствии в научную литературу. Данные понятия носят выраженный

политический оттенок и их происхождение уходит в область формировавшегося публично-политического пространства России начала XX века. В этом ряду можно указать и «кавказский вопрос», который в рамках работы первых трех Государственных Дум Российской империи вырос из публичного противостояния правых и левых депутатов в Думе и получил колоссальный резонанс в виде сформированного правыми депутатами в третьей Думе «кавказского запроса», обсуждавшегося на протяжении нескольких сессий.

При анализе «кавказского вопроса» наиболее продуктивным видится подход к комплексным региональным проблемам, как отражению собственно общероссийских сценариев. С одной стороны, Дума стала «рупором» кавказских проблем, где различные политические силы использовали проблемы региона для продвижения своих политических программ. С другой, приспособление представителей сообществ южных окраин Российской империи начала XX века к новым реалиям времени проходило под влиянием общероссийских трудностей

и нараставшей революционной ситуации. Депутаты региона старались использовать политические общероссийские платформы для отстаивания своих традиционных стремлений. Таким образом, Кавказский вопрос в некотором смысле зеркально отразил некоторые общественные сценарии страны в целом.

Говоря о комплексе проблем российского общества, отраженных в «кавказском зеркале» в рамках работы Государственной Думы, следует указать, что формирование самостоятельного «кавказского вопроса» как политически устоявшегося выражения происходило поэтапно.

Включение территорий Кавказа в орбиту влияния Российской империи в XVIII–XIX веках был первым шагом на этом пути, и представляло собой сочетание различных социальных механизмов [17, с. 29, 31–32] – как экономического, так и политико-административного характера. Административное управление Кавказом через институт наместничества было не просто техническим инструментом, где наместник имел широчайшие полномочия, но и формой частичной изоляции проблем Кавказа от общероссийских вопросов. Проблемы Кавказа до начала XX века были в первую очередь проблемами наместничества, а не всей страны, так как этот регион имел особый административный статус, где наместник был подотчетен только перед императором [1, с. 17–18]. Наместники обладали настолько широкими полномочиями, что по остроумному замечанию М. Сперанского, были похожи на «министров на местах» [17, с. 56]. Таким образом, управление на Кавказе до начала XX века сильно отличалось от управления в центральных регионах страны и не имело единого правового и социального поля для обсуждения своих проблем.

Превращение проблем Кавказа в комплексное явление для самой России произошло в момент включения Кавказа в общероссийское поле взаимодействия не только территориально, но и политически. Это началось вместе с постепенным уравни-

ванием этого региона в правовом статусе с другими территориями во второй половине XIX века и завершилось с началом работы в России парламентских органов управления в 1906 году. Наместник Кавказа с этого времени был обязан держать в Думе своего представителя и отвечать на публичные запросы депутатов. Именно работа Государственной Думы, публичные политические баталии, опубликованные в печати выписки из выступлений стали тем «коконом», из которого и вырос в итоге сложный и многоликий «кавказский вопрос».

Кавказский вопрос появляется в российском политическом лексиконе в рамках работы Государственной Думы вместе с дискуссиями по депутатским запросам в отношении министерства начиная с её первого созыва. Говоря о периоде рубежа XIX–XX веков, следует оговорить, что использование словосочетания «кавказский вопрос» было вполне в духе того времени. Системное двусоставное определение проблемных тематик работы парламента встречается в первом же предметном указателе по стенограммам Государственной Думы [14, с. 143–237] сразу в нескольких формах: аграрный вопрос, крестьянский вопрос, национальный вопрос, рабочий вопрос [14, с. 144, 177, 183, 213]. Это деление в некотором смысле было условным, однако точно отражало наиболее актуальные для того времени системные кризисы в некоторых ключевых областях жизни общества, требовавших немедленного решения. Рождение «кавказского вопроса» произошло из понятия «кавказский запрос», ставшего одним из ярких сюжетов думской истории начала XX века.

Технически понятие «запрос» связано с регламентом парламентского органа и относится к процедуре подачи документов на рассмотрение Думы, по итогам которой соответствующее профильное министерство должно ответить на запрос депутатов. Надо отметить, что депутаты этим правом активно пользовались. От Кавказа в первую Думу попало почти 30 депутатов, большинство из которых относились либо к элите

местных народов либо были выходцами из русских или казачьих воинских сословий [3, с. 3–17]. В данном случае, если подразумевать Кавказский край как административную [18, с. 818–820], а не историко-культурную область, то под депутатами от Кавказа, активно участвовавшими в обсуждении Кавказских проблем можно называть представителей Северного Кавказа: Кубанской области и Черноморской губернии (Черноморский округ), Терской области, Ставропольской губернии; а также Закавказья: Батумской области, Елисаветпольской губернии, Кутаисской губернии, Бакинской губернии, Карской области, Тифлисской губернии, Эриванской губернии, Закатальского округа, Дагестанской области. Однако следует признать, что представители казачества и русских областей региона, в отличие от национальных представителей, как правило, активного самостоятельного участия в осуждении кавказских проблем в первой Думе не принимали, что подтверждается перечнем их обращений и выступлений к думским стенограммам [11, с. 23–139].

Первый парламент отличался невероятным количеством срочных запросов, которыми депутаты, в том числе и от Кавказа, заваливали министерства при практически полном отсутствии принятых законопроектов в текущем порядке. За 72 дня работы первой Думы было рассмотрено более 300 запросов, что было невероятным достижением, но не могло служить доказательством эффективности парламента, так как большинство были мелкими и касались частных случаев нарушения закона. Запросы шли не только в комиссии для дальнейшего рассмотрения, а голосованием могли быть признаны срочными и немедленно передавались в правительство для ответа согласно статье № 40 Учреждения Государственной Думы, так как число подписавшихся под такими письмами, как правило, превышало 30 депутатов, что подтверждалось проектом Наказа Государственной Думы третьего созыва [15, с. 20–21]. Данный механизм оказался эффективным инструментом политической борьбы. Согласно ст. 58 учрежде-

ния Государственной Думы запросы могли голосованием признаваться «спешными» и тогда они немедленно обсуждались в Думе, что превращало иногда работу парламента в сплошной поток мнений и выступлений, перемежаемых критикой правительства.

Проблемы Кавказа проявились в стенограммах первых двух Дум как серия однотипных частных запросов депутатов от Кавказа на основании данных из региона и касались в основном действий казаков на Кавказе, прекращения беспорядков и незаконного насилия [16, с. 252–301]. Это были локальные проблемы, обнародование которых было скорее пробой механизма обращения к думской общественности. Из 28 запросов, в которых депутаты от Кавказа участвовали как подписанты или выступающие, только 7 тематически касались событий на Кавказе (218, 237, 238, 281, 303, 312, 326) [11, с. 23]. Наибольший резонанс получили запрос № 237 «о погромах в Батуми», № 281 «о предании военному суду 27 нижних чинов Мингрельского полка и общая забастовка вследствие этого в Тифлисе» по которым шла дискуссия между депутатами центра России, не видевшими в событиях ничего незаконного и требующего внимания Думы и представителями Кавказа, которые в этой цепи событий видели опасность грядущего массового погрома и требовали немедленного вмешательства думских представителей.

Депутат Жордания от Тифлисской губернии неоднократно выходил на трибуну с длинными выступлениями и экскурсами в историю Кавказа, требуя подать официальные запросы от Думы в войсковые части и лично Министру внутренних дел для расследования событий на Кавказе: «Меня удивляет рассуждение предыдущего оратора²³. Мы опасаемся того, чтобы там на днях не произошел всеобщий погром... вы не знаете что такое военные власти в Тифлисе! Тифлис с декабря месяца находится на военном положении. Солдаты и офицеры

²³ Депутат от Минской губернии Массониус в этом запросе не увидел ничего незаконного, и посчитал что думский запрос в внутривойсковых проблемах бесполезен

овладели почти всем городом, и они под главенством Тимофеева, местного губернатора, учиняют каждый день незаконные деяния...» [3, с. 1699]. Данная позиция в итоге нашла поддержку кадетских депутатов Набокова и Кокошкина, но встретила упорное сопротивление октябристов и лично одного из их лидеров – М. Стаховича, который требовал не вмешиваться в дела, к которым Дума не имеет компетенции. Стахович как известный юрист иронически заявил: «не смею оспаривать авторитет трех профессоров, мне возражавших... но я прошу, что бы разъяснили моему невежеству: в непосредственной связи с какими рассматриваемыми Государственной Думой делами возник такой запрос? (смех в зале)... я боюсь, что мы создадим министерству новый повод ответить нам, что мы не имеем права, не имеем оснований покуда эдаких запросов делать, и тогда в ответ мы можем проявить только раздражение. ... какое в этом запросе указывается неправильное действие? ... если признать за этим запросом срочность... то обставьте его, мотивируйте более сильно» [3, с.1701]. Таким образом, вопросы Кавказа с первых думских заседаний превращались в вопросы общероссийского характера, которые не приближали решения региональных проблем, но становились площадкой для политического межпартийного противостояния.

Достаточно типичной ситуацией был запрос № 182 депутатов от Тифлисской губернии «снаряжение карательной экспедиции Сванетию», касавшийся информации о возможных планах армии провести карательные действия в регионе. Депутат от Тифлисской губернии князь Баратов неоднократно ставил этот запрос важнее обсуждения в Думе вопроса о смертной казни: «Конечно, запрос о смертной казни спешный (запросы 233, 235, 244, 249, 246 курсив авт.), но я настаиваю на спешности запроса, в котором указывается, что в Сванении предполагается послать карательный отряд. Мне кажется, что этот запрос настолько спешный, что его надо сегодня же рассмотреть. Я, депутат Жорда-

ния и проф. Ковалевский (имеется в виду центрист проф. М. М. Ковалевский) получили телеграммы относительно этого...» [3, с. 1551–1552]. Лидеры российских политических партий эти вопросы неизбежно включали в свою работу. Вопросы о погромах и насилии на Кавказе упоминались и в других запросах, носивших уже общероссийский характер, например, в уже упомянутых вопросах применения смертной казни, которые получили также широкое участие путем голосования и выступлений депутатов социалистов от Кавказа. Это запросы № 233, 244, 249, 256, которые в итоге были поставлены председателем Думы князем С. А. Муромцевым в одну повышенную группу важности вместе с упомянутыми вопросами Кавказа [3, с. 1549].

Во второй Государственной Думе за существенно больший период работы Думы (102 дня) было рассмотрено всего 26 запросов, что говорило о заметном изменении тактики депутатов в отношении правительства [3, с. 1553–1554]. Однако, во второй Думе по кавказской тематике возобладала двоякая тенденция. С одной стороны, расширилась тематика общероссийских проблем, в которых звучали примеры с Кавказа. С другой, рассмотрение некоторых запросов превратилось в самые настоящие политические столкновения, в которые были вовлечены представители многих регионов страны от самых различных политических сил и происходившие уже достаточно долго, на протяжении 1 или даже 2 заседаний. Тенденции политизации кавказских проблем, намеченные в Думе первого созыва усилились и явно проявилось влияние на депутатов Кавказа левых политических взглядов.

При численном примерном равенстве числа депутатов от региона с составом в сравнении с первым созывом Думы, лидерство во второй Думе в Кавказских вопросах проявили представители Тифлисской и Кутаисской губерний, ставших представителями левых, в частности социал-демократической фракции: Джапаридзе А. Л., Ломтатидзе В. Б., Зурабов А. Г., Церетели И. Г. и др. Они отли-

чались активностью, настойчивостью, упорством и грамотностью в продавливании своих предложений, заметной политизированностью, постоянными стычками с председателем Думы второго собрания. В их выступлениях кавказский вопрос практически не звучал, а основная работа шла в рамках думской тактики РСДРП. В итоге представители левых оказались в числе 55 членов ГД, которых министерство Юстиции запросило лишить депутатской неприкосновенности в связи с уголовным преследованием [4, с. 1481–1568.], что в итоге сильно ударит по численности представителей Кавказа в третьей Думе.

Вторую по значимости группу депутатов второй Думы составили центристы или внепартийные депутаты, которые не вмешивались в политические дискуссии, но методично выступали с трибуны по разным проблемам российской истории, используя кавказскую тематику как основное наполнение своих выступлений. Именно эта, менее политизированная часть кавказских депутатов, продолжила инкорпорировать расширительную тематику Кавказа в работе государственной Думы и участвовать в работе думских комиссий. Например, член ГД от Бакинской губернии Зейналов З.Э. работая в аграрной думской комиссии, неоднократно выступал по аграрному вопросу, приводя в пример только свой регион, выясняя «разницу нашей Бакинской губернии с остальными» [7, с. 1955–1960]. Потом незаметно переходил к вопросу об образовании отмечая что «русских школ в губернии 420, армян 235, а мусульман всего 167...» [7, с. 1961] за что был прерван председателем Думы за разговоры не по делу. Говорил при думском обсуждении по рабочему вопросу, отмечая важность своего региона в масштабах страны и тяжелом положении рабочих в Баку [7, с. 581]. Член ГД от Терской области Караулов М. А., выступая трибуны отмечал: «Я являюсь представителем терского казачества. Вы господа много говорите о казаках, много слышали о них, но действительность вас вовсе не интересует, вы ничего про нас, про казаков не знаете,

и знать не хотите. Когда я в первый раз хотел с этой трибуны разъяснить казачий вопрос, мне это не было позволено. Но я сделаю это в другой раз...» [7, с. 1363]. Его выступления были насыщены данными по истории, укладу, экономике терских казаков и Кавказа в целом. Махмудов Мустафа от Бакинской губернии работал в комиссии «по помощи безработным» и «аграрной комиссии» [12, с. 104]. В своих выступлениях при обсуждении вопроса об образовании он поднимал вопрос об образовании и его доступности на Кавказе, вызвал смех в зале указав, что «мы, учителя мусульманские, стоим в глазах министерства народного просвещения ниже женщин» [4, с. 163–165]. Большой эффект вызвала только шутка депутата ГД от Елисаветпольской губернии Степана Христофоровича Тер-Аветикянца, который по поводу известного случая с потолком в начале работы второй Думы заметил: «потолок Таврического дворца не выдержал народных стонов и рухнул!» [7, с. 496–499.].

Наиболее масштабными и взвешенными выглядели выступления депутата ГД от Эриванской губернии Сагателян И. Я., который состоял в комиссиях по наказу ГД, местном суде и аграрной комиссии [12, с. 122]. Демонстрируя обширные знания по истории Европы и России, он грамотно вписывал историю Кавказа в этот контекст, не вызывая в свой адрес протестов левых или правых депутатов. Он отмечал, что «в России, как и на Кавказе, развито общинное землевладение...», указывал на характерное при этом «отсутствие понятия собственности...», говорил, что «...у России и Кавказа в этом отношении совпала историческая стадия... в Закавказье община сохранила землю, не допустив бед Европы....» [6, с. 1124]. Очевидно, что он принадлежал к трудовой группе ГД, стараясь выдерживать грамотную позицию в аграрном вопросе, [2, л. 81–84] блестяще превратив кавказскую тематику в инструмент для объяснения общероссийских и мировых проблем в аграрном секторе, сравнивая исторический опыт различных регионов.

Третья Дума отличалась от первых двух целым рядом параметров. Она не только проработала весь положенный срок при новом избирательном законе, но и изменила структуру своей работы. В рамках работы второй сессии третьей Думы будет проведено обсуждение Наказа Государственной Думы (регламента), где работа комиссий и регламент были усовершенствованы, [15, с. 45–56] что дало возможность более внимательно и последовательно обсуждать проблемы и избегать мелких запросов. Общее число запросов, касавшихся Кавказа, в III Думе от сессии к сессии падало, а к четвертой их уже не осталось ни одного.

Изменился политический характер Думы, в которой в дополнение к левому крылу, появились сильные группы правых депутатов. Именно правые сыграли ключевую роль в раздувании политического конфликта по кавказским проблемам. Так же следует отметить, что в Думе третьего созыва активно работал заменявший в парламенте наместника на Кавказе статс-секретарь барон Имануил Юльевич Нольде, к которому и шли обращения и запросы по Кавказу.

Так же следует отметить, что изменилось число депутатов от Кавказского края, которых при новой структуре избирательных округов после объединения, осталось всего 13 человек [9, с. 235]. Елисаветпольская, Бакинская, Эриванская губернии лишились права иметь собственных представителей и были слиты в один избирательный округ, а по другим округам были снижены квоты. Несмотря на снижение представительства Кавказа и Закавказья в парламенте, третий созыв Думы стал пиком обсуждения тематики Кавказа в Думе с участием всех политических сил страны. «Кавказский запрос», официально поданный единственным правым депутатом от русского населения Закавказья Тимошкиным Ф. Ф., [10, с. 169] был зарегистрирован в реестре запросов Думы под номером 16 и стал пиковой точкой политизации кавказских проблем на общегосударственном уровне. Именно обсуждение этого запроса стало ключевым в развитии проблематики Кавказа в общероссийском ракурсе.

В издании речей депутатов по «кавказскому запросу», предпринятом Д. И. Исмаил-Заде в 2008 году на основе изданий начала XX века [10, с. 113–317] при всей широте охвата материала данный запрос не рассматривается как процедурное понятие. В издании опубликована только та часть запроса, которая относится к прениям, начиная с заседания второй сессии третьей Думы № 30 от 10 декабря 1908 года. Непосредственно текст запроса (первая сессия Думы, заседание № 49) и его краткое обсуждение, а так же первичный ответ на него представителя наместника на Кавказе (вторая сессия Думы, заседание № 26 от 3 декабря 1908 года) остались за пределами внимания издателей.

Фактическая подача «кавказского запроса» была проведена Ф. Ф. Тимошкиным на первой сессии работы Думы третьего созыва на заседании № 49 от 4 апреля 1908 года, под которым стояло 38 подписей, что автоматически делало возможным срочное обсуждение запроса. Полное название этого запроса выглядело достаточно громоздко: «Террористические акты на Северном Кавказе», поэтому в выступлениях при обсуждении и в печати использовалось краткое понятие «Кавказский запрос». В числе подписантов был и лидер правых В. М. Пуришкевич, который сыграл в обсуждении этого запроса ключевую роль. В тексте запроса правые депутаты «спрашивают председателя совета министров по поводу того, какие меры будут приняты им в ограждение спокойствия мирных русских обывателей от злодеяний революционного элемента на Кавказе?» [8, с. 1839].

Такая постановка вопроса сама по себе выглядела как некоторая политическая провокация, которая была использована В. Пуришкевичем для столкновения с революционными силами. Лидер правых за одну сессию получил более ста (!) взысканий и замечаний от председателя парламента за нарушение порядка, выкрики с места и оскорбления депутатов левого крыла [13, с. 233]. Закономерным итогом работы на «Кавказским запросом»

на протяжении двух сессий Думы с апреля 1908 по февраль 1909 года стало все большее удаление выступающих от проблем Кавказа к выяснению политических и национальных отношений, что вынудило одного из лидера правых графа Бобринского 2-го сделать заявление, поднявшее это обсуждение на иной уровень понимания: «хотя я совершенно не одобряю того одностороннего характера, который носило обсуждение, но считаю, что кавказским вопросом нам придется еще заняться впредь не в форме запроса, а в виде самого серьезного законодательства, для того, что бы действительно упорядочить этот заброшенный, но богатый наш край» [10, с. 264]. Именно в рамках обсуждения «кавказского запроса» депутаты начали в своих выступлениях говорить о Кавказском «вопросе» как сложном системном факторе российской жизни. Нельзя сказать, что только этим запросом ограничен был круг обсуждения вопросов по Кавказу в третьей Думе, так как депутаты по прежнему старались упоминать Кавказ в числе вопросов по образованию, язы-

ковой политике и др., но именно это обсуждение стало знаковым и окрашенным в общероссийские политические цвета.

Кавказский вопрос в Государственной Думе оказался важен как своего рода барометр общественного настроения в России начала XX века. Российские общественные движения и политические партии являлись наиболее ярким проводником общественного «температурного режима», изучение которого дает представление об общем ходе кристаллизации кавказского проблемного узла и составляющих его развития. Именно политические партии в Думе стали базовым двигателем процесса формирования представлений Кавказа о себе, и российского общества о Кавказе. Эти два разных по сути видения реальности встретились в залах Государственной Думы лицом к лицу. Именно это столкновение двух разнообразных представлений об одних и тех же проблемах дало тот потрясающий по накалу симбиоз идей и выступлений, который имел место в залах Государственной Думы в 1906–1914 годах и породивший системный «кавказский вопрос».

Литература

1. Высочайше утвержденные правила об отношениях Кавказского наместника // Полное собрание законов Российской империи. – Собрание II. – Т. XXI. Отделение I. 1846. – СПб., 1847.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.522 Оп.1. Д.2. (Деятельность фракции трудовиков в II Государственной Думе).
3. Государственная Дума. Созыв 1. Сессия 1. Полный стенографический отчет. ТТ.1 – 2, – СПб., 1906. (Список Членов Государственной Думы по избирательным округам).
4. Государственная Дума созыв 2. Сессия 2. Полный стенографический отчет. 1907 год. заседания 1 – 53 (20 февраля 1907 – 2 июня 1907). ТТ. 1 – 2. – СПб., 1907. Т. 2. 52 закрытое заседание ГД, не подлежащее оглашению в печати (на основании статей 44–46 учреждения ГД (свода законов Российской империи Т.1. ч. 2. изд. 1906г.).
5. Государственная Дума. Созыв 1. сессия 1. Полный стенографический отчет. ТТ. 1 – 2. – СПб., 1906. – Т. 1.
6. Государственная Дума. Созыв 2. Сессия 1. Полный стенографический отчет. 1907 г. ТТ 1 – 2. – СПб., 1907. – Т. 1.
7. Государственная Дума. Созыв 2. Сессия 2. Полный стенографический отчет. – ТТ. 1 – 2. – СПб, 1907 г. – Т. 1.
8. Государственная Дума. Созыв 3. Сессия 1. Полный стенографический отчет. – ТТ. 1 – 2. – СПб., 1908. – Т. 2.
9. Государственная Дума. Указатель к стенографическим отчетам (части 1–3). Созыв 3. Сессия 1. 1907 – 1908 гг. Заседания 1 – 98 (1 ноября 1907 г. – 28 июня 1908 г.). – СПб., 1908.
10. Кавказский запрос в Государственной Думе. Полные речи всех ораторов по официальным стенограммам // Исмаил-Заде Д.И. И.И.Воронцов-Дашков – администратор, реформатор. – СПб., 2008.

11. Личный алфавитный указатель к стенограммам Государственной Думы. Сессия 1. Заседания 1 – 38. 27 апреля – 4 июля 1906 г. // Государственная Дума. Созыв 1. Сессия 1. Полный стенографический отчет. ТТ 1-2. – СПб., 1906.
12. Личный алфавитный указатель к стенографическим отчетам Государственной Думы. Второго созыва. Заседания 1 – 53 (20 февраля 1907 – 2 июня 1907) // Государственная Дума. Указатель к стенографическим отчетам. Второго созыва, 1907 год заседания 1 – 53. (20 февраля 1907 – 2 июня 1907) – СПб., 1907.
13. Личный алфавитный указатель к стенографическим отчетам Государственной Думы (части I – III). Созыв 3. Сессия 1. 1907 – 1908. Заседания 1 – 98. (1 ноября 1907 г. – 28 июня 1908 г.). – СПб., 1908.
14. Предметный алфавитный указатель к стенографическим отчетам Государственной Думы. Сессия 1. Заседания 1 – 38. (27 апреля 1906г. – 4 июля 1906г.) – СПб. 1906 г. // Государственная Дума. Созыв 1. сессия 1. Полный стенографический отчет. – ТТ. 1 – 2. – СПб., 1906 – Т.1.
15. Приложение №13. Доклад комиссии по Наказу. Проект Наказа Государственной Думы. Докладчик. В.А.Маклаков // Приложения к стенографическим отчетам Государственной Думы. Третий созыв. Сессия II. 1908 – 1909 гг. –Т. I.– СПб. 1909 г.
16. Список заявлений о запросах, внесенных в ГД. Сессия 1. заседания 1-38. 27 апреля – 4 июля 1906 г. // Государственная Дума. Созыв 1. сессия 1. полный стенографический отчет. ТТ. 1 – 2. – СПб., 1906. – Т. 1.
17. Хлынина Т.П. Кринко Е.Ф. Упушадзе А.Т. Российский Северный Кавказ: исторический опыт управления и формирования границ региона. – Ростов-на/Д., 2012.
18. Энциклопедический словарь. Ф. А. Брокгауз, И. А. Эфрон. – СПб., 1894. – Т.13 (26)